

Но сейчас ему оставалось лишь признаться — иначе, если госпожа Шэнь сама всё выяснит, доверие будет потеряно навсегда.

Госпожа Шэнь слушала его, лицо оставалось суровым, затем снова повернулась к Пэй Цинъи:

— Цинъи, правду он говорит?

Пэй Цинъи опустил голову.

— Не знаю.

Такой уклончивый ответ не удовлетворил никого, а уж Шэнь Минкэ — и подавно. Он с таким трудом выгородил Юй Аня, а Пэй Цинъи одним своим «не знаю» перечеркнул все старания. Шэнь Минкэ был в ярости.

Он собрался было говорить, но госпожа Шэнь подняла руку, останавливая его, и холодно изрекла:

— Я сама спрошу у твоего дяди, Минкэ. Помалкивай.

Фань Шувэнь с трудом сохранила подобие улыбки, вступаясь за сына:

— Минкэ просто не хотел, чтобы вы неправильно поняли. Раз уж вы, матушка, всё и так видите, то не стоит больше говорить.

— А как насчёт свадьбы, бабушка? — нетерпеливо спросил Шэнь Минкэ.

Госпожа Шэнь бросила на него взгляд, затем на мгновение задержала его на Юй Ане и бесстрастно промолвила:

— Вы ещё слишком молоды. Сначала обручитесь.

— Бабушка...

— Минкэ!

Фань Шувэнь поняла, что госпожа Шэнь уже на пределе, и сердито сверкнула глазами на сына:

— Забирай Юй Аня и марш домой. Поговорим позже. Бабушка устала, дай ей отдохнуть.

С этими словами она и сама поднялась.

— Матушка, я тоже не буду вам мешать. Заберу Минкэ и Минъянь, и пойдём.

— Ступайте.

Но Шэнь Минъянь не желала возвращаться с Фань Шувэнь — ведь тогда ей пришлось бы выслушивать материнские упрёки. Она обвила руку госпожи Шэнь и заняла:

— Бабушка, можно я с вами побуду ещё немножко? А?

Среди младшего поколения Шэнь Минъянь, ласковая и смышлёная, была любимицей матушки Шэнь. Та понимала, что девочка просто не хочет возвращаться под капральский присмотр Фань Шувэнь, и разрешила ей остаться.

Фань Шувэнь, видя это, не могла силой забрать Шэнь Минъянь, лишь сухо бросила:

— Ну, будь тут с бабушкой. Только смотри — не набедокурь.

И увела Юй Аня.

Госпожа Шэнь, наблюдая, как по-разному Фань Шувэнь относится к Шэнь Минъянь и Шэнь Минкэ, невольно вздохнула.

Причина, по которой Шэнь Минъянь не была близка ни с братом, ни с матерью, крылась в её происхождении. Она была не родной дочерью Фань Шувэнь, а дочерью одной из возлюбленных Шэнь Фэна — или, проще говоря, его внебрачным ребёнком.

Шэнь Фэн имел в литературных кругах некоторую известность, а в молодости отличался романтическим нравом, свойственным старой школе интеллигентов. У него была возлюбленная, отношения с которой долгое время оставались платоническими — даже при взаимной симпатии они не переступали черты. Но однажды, после попойки, случилось недопустимое. Обе стороны предпочли бы забыть этот инцидент, однако женщина забеременела. К тому же, от природы она была слаба здоровьем, и аборт мог нанести непоправимый вред, лишив её возможности в будущем иметь детей. Так на свет появилась девочка.

Но у Шэнь Фэна уже была жена и сын, и бросить семью он не мог. Да и семья Фань была знатной — когда Фань Шувэнь прознала об истории, разразился скандал, родня явилась требовать объяснений. Шэнь Фэну пришлось разорвать связь с той женщиной окончательно.

Та же, вскоре после рождения Шэнь Минъянь, была изгнана из собственного дома — позор связи с женатым мужчиной лёг на семью клеймом. Видя, что Шэнь Фэн не собирается на ней жениться, женщина впала в тоску, а затем, страдая от послеродовой депрессии, свела счёты с жизнью.

Шэнь Фэн до конца дней испытывал чувство вины перед матерью Шэнь Минъянь. А поскольку девочка была его кровью, оставлять её на улице он не мог — так она оказалась в доме Шэнь, представленная всем как приёмная дочь.

Шэнь Минъянь была родной дочерью Шэнь Фэна, и он относился к ней не хуже, чем к Шэнь Минкэ. Но Фань Шувэнь — та была другого мнения. Она люто ненавидела мать Шэнь Минъянь, и воспитывать дочь нелюбимой женщины ей претило. Лишь ради Шэнь Фэна и матушки Шэнь она поддерживала видимость приличия. Втайне же её отношение к Шэнь Минъянь и Шэнь Минкэ разительно отличалось. Чужие дети всегда останутся чужими — даже под одной крышей. Отношения между номинальной матерью и дочерью были холоднее, чем с незнакомкой. Да и Шэнь Минкэ не питал к внезапно свалившейся сестре особой нежности.

Так Шэнь Минъянь, хоть и росла в доме родного отца, жила словно на птичьих правах. С детства она научилась быть смышлёной, услужливой, говорить сладкие речи. Матушка Шэнь, жалея девочку, оставшуюся с младенчества без матери, опекала её чуть больше других.

Госпожа Шэнь ещё долго расспрашивала Пэй Цинъи о том, как заживают раны, и, услышав, что ему пора сменить повязки, тотчас отпустила, не держала больше.

Она наказала Сяо Тао как следует поддерживать Пэй Цинъи по дороге и велела в ближайшие дни не приходить с утренними приветствиями. Узнай она раньше о его травме — ни за что бы не стала его тревожить. А этот ребёнок — терпеливый до крайности, слишком уж

самостоятельный. При этой мысли госпожа Шэнь велела служанке принести несколько отборных корней женьшеня из своих запасов — пусть, мол, восстанавливается.

Поблагодарив матушку Шэнь, Пэй Цинъи отправился обратно, опираясь на Сяо Тао.

Девушка, приставленная ухаживать за ним несколько дней, даже не заподозрила, что он ранен, и теперь мучилась угрызениями совести. Всю дорогу она осторожно поддерживала Пэй Цинъи, боясь, как бы он не споткнулся о камешек, и вскоре разрыдалась, твердя, что она никудышная служанка, раз даже этого не заметила. Пэй Цинъи долго её утешал, пока та не успокоилась.

На самом деле Пэй Цинъи намеренно скрывал от них свои раны, и теперь, видя её горе, чувствовал себя неловко. Успокоив девушку, он сказал:

— Сяо Тао, ступай домой. Я в беседке посижу немного.

— Но, госпожа... вы сами-то справитесь? — беспокоилась Сяо Тао.

— А раньше справлялся, когда ты и не ведала? — Пэй Цинъи мягко улыбнулся. — Сейчас раны уже почти зажили, и вовсе ничего.

Сяо Тао вспомнила, что всё это время пребывала в неведении, и почувствовала себя ещё виноватее. Тогда Пэй Цинъи сказал, что хотел бы свежих кунжутных лепёшек, и попросил её помочь тётушке Вэнь с приготовлением. Сяо Тао, ухватившись за поручение, тут же помчалась, крикнув на бегу, что они мигом справятся.

Проводив девушку взглядом, Пэй Цинъи сделал вид, будто не замечает знакомую фигуру, приближающуюся издали, и свернул в глухой уголок, где густые заросли цветов почти полностью скрывали его от посторонних глаз.

Внезапно к его спине вплотную прижалось что-то твёрдое. Пэй Цинъи широко раскрыл глаза, готовый вскрикнуть, — но рот ему мгновенно закрыли ладонью.

В ухе прозвучал холодный, злой шёпот:

— Почему там, у бабушки, сказал, что не знаешь?

Пэй Цинъи давно знал, кто это, но изобразил испуг, попытался вырваться — однако его зажали ещё крепче. Молодой человек одной рукой продолжал закрывать ему рот, а другой вцепился в затылок, пригвоздив к узкому проходу между стенами.

Раны на груди заделались о шершавую поверхность — казалось, они вновь разошлись. Лицо юноши побелело, на лбу выступила испарина, а из-под ладони вырвался слабый, болезненный стон.

«...»

Шэнь Минкэ нахмурился, собираясь спросить, что он опять вытворяет, — но вспомнил про травмы, отодвинулся чуть дальше и ослабил хватку.

Однако едва давление ослабло, Пэй Цинъи — словно и не чувствовал боли мгновением раньше — резко дёрнулся, пытаясь выскользнуть. У Шэнь Минкэ дёрнулась височная жила; он снова втянул юношу назад и пригрозил:

— Не смей бежать! Отвечай как следует, а не то я...

Юноша, без тени страха или волнения, встретил его свирепый взгляд.

— А не то что?

Шэнь Минкэ запнулся. Этот непробиваемый, ни на что не реагирующий вид Пэй Цинъи сводил его с ума.

— Да можешь ты хоть иногда быть нормальным? Хватит уже подставлять Юй Аня! Чем он тебе не угодил? Стоит ли постоянно ему пакости строить?

Но слова эти прозвучали неубедительно — едва он их произнёс, как осознал, что вывернул всё наизнанку. В комнате бабушки он так увлёкся сочинением небылиц, что сам чуть не поверил, — хотя отлично знал: это Юй Ань всё время цеплялся к Пэй Цинъи, а он, Шэнь Минкэ, просто смотрел сквозь пальцы...

<http://bllate.org/book/15935/1424445>